

ГЛАВА ПЕРВАЯ

В экипаже, вольготно раскинувшись на подушках, сидел пассажир. Он вытянул ноги и глубоко засунул руки в карманы своего длинного темного пальто. Экипаж с грохотом несся по вымощенным булыжниками улицам города, и время от времени свет фонаря или факела на мгновение озарял внутреннее убранство кареты, отражаясь в бриллиантовой булавке на галстук или в крупных пряжках башмаков, но поскольку джентльмен, лениво покачивавшийся в такт движению, низко надвинул на глаза шляпу с золотой окантовкой, его лицо оставалось в тени.

Экипаж двигался быстро, пожалуй, даже слишком быстро для того, чтобы такой способ передвижения можно было считать безопасным на улицах Лондона, и вскоре выскочил из города, миновав заставу, и помчался по дороге, ведущей через пустоши Хонслоу-Хит. Лишь прячущаяся в облаках луна освещала путь кучеру, сидевшему на козлах, но свет ее был настолько слабым и тусклым, что грум, беспокойно ерзавший рядом с ним с того самого момента, как карета покинула пределы Сент-Джеймского предместья, в конце концов не выдержал и испуганно возопил:

— Святой Боже! Ты перевернешь нас! Не гони так, умоляю тебя!

Единственным заслуживающим упоминания ответом на его возглас стало равнодушное пожатие плечами и короткий презрительный смешок. Экипаж опасно раскачивался и кренился на ухабах неровной дороги, и грум, вцепившись в сиденье обеими руками, сердито выпалил:

— Ты совсем спятил! За тобой что, черти гонятся, приятель? Неужели ему все равно? Или он пьян? — И грум выразительно мотнул головой назад, что, по всей вероятности, должно было означать, что он имеет в виду джентльмена внутри экипажа.

— Прослужишь ему хотя бы неделю и перестанешь называть такую скорость дикой и опасной, — отозвался кучер. — Когда Видаль путешествует, он путешествует быстро. Понятно?

— Да он же пьян в стельку и спит себе без задних ног! — не унимался грум.

— Только не он.

Тем не менее джентльмен внутри экипажа вполне мог спать: он не подавал никаких признаков жизни. Его долговязое тело раскачивалось в такт толчкам кареты, подбородок прятался в складках галстука, и даже самые глубокие рытвины не могли заставить его взяться за ремень, который болтался возле его лица. Руки джентльмена, как и прежде, были глубоко засунуты в карманы, и он не вынул их оттуда даже после того, как вечернюю тишину разорвал выстрел и экипаж, заскрипев всеми своими сочленениями, резко остановился. Впрочем, джентльмен, похоже, все-таки бодрствовал, потому что лениво приподнял голову, зевнул и вновь откинулся на подушки, повернувшись в сторону бокового окошка.

Снаружи поднялась какая-то непонятная суматоха: прозвучал чей-то хриплый голос; кучер всю бранил грума за то, что тот замешкался и не выпалил из тяжелого мушкетона; лошади громко ржали и били копытами о землю, пятясь назад.

Кто-то подъехал к дверце экипажа и сунул внутрь дуло огромного пистолета. Луна осветила очертания незнакомца. Он приказал:

— А ну-ка, красавчик, подавай сюда свои безделушки!

Казалось, мужчина в экипаже даже не пошевелился, но тут же резко грохнул выстрел и в темноте сверкнул острый язычок ослепительного пламени. Фигура в окошке моментально куда-то исчезла; послышался звук падения тяжелого тела, топот копыт, чей-то сдавленный крик, и, наконец, картину завершил запоздалый грохот мушкетона.

Джентльмен в экипаже лениво вынул правую руку из кармана. В ней оказался изящный пистолет с серебряными насечками, из дула которого еще вился легкий дымок. Мужчина небрежно швырнул оружие на сиденье рядом с собой и очень длинными

белыми пальцами принялся брезгливо ощупывать обугленный и прожженный насквозь карман своего пальто.

Тут дверь экипажа распахнулась и на поспешно опущенную подножку вспрыгнул кучер. Фонарь, который он держал в руке, осветил внутренности кареты, а заодно и лицо вальяжно разлегшегося на подушках пассажира. Оно оказалось на удивление молодым, смуглым и исключительно привлекательным. Впрочем, необычайную яркость приглушало выражение неодолимой скуки.

— Да? — холодно полюбопытствовал джентльмен.

— Разбойники с большой дороги, милорд. Наш новичок, не привыкший еще к таким, с позволения сказать, передрягам, запоздал со своим мушкетонном. Их было трое. Они благополучно ускакали прочь... то есть двое оставшихся в живых, я хотел сказать.

— И что же? — вновь поинтересовался джентльмен.

Кучер, похоже, чувствовал себя не в своей тарелке.

— Одного вы убили, милорд.

— Разумеется, — ответил джентльмен. — Но, я полагаю, не для того же вы открыли дверцу, чтобы сообщить мне об этом?

— Э-э... видите ли, милорд... может быть, нам стоит... или мне... Его мозги разлетелись по всей дороге, милорд. И что, мы его оставим... вот так?

— Любезный, вы что же, предлагаете мне отвезти тело этого разбойника в дом к леди Монтаскьют?

— Никак нет, милорд, — нерешительно произнес кучер. — В таком случае... тогда... я поеду дальше?

— Разумеется поезжайте, — с некоторым удивлением отозвался джентльмен.

— Очень хорошо, милорд, — сказал возница и захлопнул дверцу кареты.

Грум, ерзавший на облучке, все еще сжимал в руках бесполезный мушкетон и как зачарованный глядел на распростертую на дороге неподвижную фигуру. Когда к нему вскарабкался кучер и взял в руки вожжи, грум пробормотал:

— Господи, ты намерен сделать хоть что-нибудь?

— Ему уже ничем не поможешь, — мрачно отозвался его товарищ.

— Ты только посмотри, ему напрочь снесло башку выстрелом! — содрогнулся грум.

Экипаж дернулся и покатился вперед.

— Лучше придержи язык, понятно? Он мертв, и с этим ничего не поделаешь.

Грум облизнул пересохшие губы.

— Но разве его светлость не знает об этом?

— Разумеется, знает. Он не промахивается, уж из своих-то пистолетов, во всяком случае.

Грум глубоко вздохнул, будучи не в силах прогнать воспоминание о мертвце, которого бросили валяться на дороге в луже собственной крови, и наконец отважился подать голос:

— Сколько ему лет?

— Через пару месяцев будет двадцать четыре года.

— Двадцать четыре! И он убил человека и оставил труп на дороге, как будто так и надо! Боже мой!

Грум замолчал и не раскрывал более рта до тех самых пор, пока карета не прибыла к месту назначения, но и тогда добрый малый казался настолько погруженным в свои мысли, что кучеру пришлось довольно-таки чувствительно ткнуть его локтем в бок. Грум встрепенулся и спрыгнул с облучка, чтобы открыть дверцу экипажа. Когда его хозяин лениво ступил на подножку, он исподтишка взглянул на него, пытаясь разглядеть на лице молодого господина хоть какие-то признаки волнения. Но таковых не обнаружилось. Его светлость неспешно поднялся по ступеням к каменному портику и вошел в ярко освещенный холл.

— Боже мой! — повторил грум.

Внутри дома двое лакеев засуетились вокруг припозднившегося гостя, принимая у него пальто и шляпу.

В холле находился еще один джентльмен, который как раз собирался подниматься по лестнице в салон. Это был привлекательный румяный мужчина с высоко поднятыми густыми бровями и томным взором записного дамского угодника. Должно

быть, сей денди немало путешествовал по Европе, о чем свидетельствовал его наряд: он надел короткий камзол с отстроченными петлицами, панталоны в мелкую полоску со штрипками у колен и жилет, едва доходящий до талии. На груди у него топорщилась пена кружев неперменного жабо, а галстуку он предпочел шейный платок, завязанный пышным узлом под подбородком. На голове у джентльмена красовался на изумление высокий парик, присыпанный голубой пудрой, а в руке он держал длинную тросточку с лентами.

Франтоватый молодой человек обернулся на звук шагов милорда и, увидев вошедшего, поспешил ему навстречу.

— А я-то надеялся, что буду последним, — капризно пожаловался он. Поднеся к глазам монокль, франт уставился на дыру в пальто его светлости. — Мой дорогой Видаль! — воскликнул он, явно потрясенный. — Мой любезный друг! Клянусь Богом, милорд, только взгляните на свое пальто!

Один из лакеев уже перебрросил сей предмет одежды через руку. Милорд расправил свои дрезденские кружева, но так небрежно, словно тщательность и аккуратность наряда ему едва ли не претили.

— И что же, Чарльз, стряслось с моим пальто? — поллюбопытствовал он.

Мистер Фокс непритворно вздрогнул.

— В нем огромная дыра, Видаль, вот что, — произнес он. Шагнув вперед, мистер Фокс очень осторожно приподнял полу пальто. — И от него чертовски разит порохом, Видаль, — заключил он. — Вы, несомненно, в кого-то стреляли.

Его светлость, прислонившись к перилам, раскрыл свою табакерку с нюхательным табаком.

— Это был всего лишь жалкий разбойник, — небрежно заметил он.

Мистер Фокс на мгновение сменил тон.

— Вы убили его, Доминик?

— Разумеется, — кивнул милорд.

Мистер Фокс ухмыльнулся.

— А что вы сделали с трупом, мой мальчик?

— Что я сделал с трупом? — переспросил милорд с легким оттенком нетерпения. — Ничего. А что, собственно, я должен был с ним сделать?

Мистер Фокс в задумчивости потер подбородок.

— Дьявол меня заberi, если я знаю, — после некоторого размышления признался он. — Но нельзя же оставлять труп прямо на дороге, Доминик. Гости, возвращаясь в город, могут увидеть его. Дамам это не понравится.

Его светлость поднес понюшку табака к одной изящно вырезанной ноздре, но помедлил, прежде чем втянуть зелье носом.

— Об этом я не подумал, — признал он. Глаза его озорно блеснули; похоже, маркиз забавлялся. Милорд перевел взгляд на лакея, который все еще держал в руках его пострадавшее пальто. — Где-то там на дороге, ведущей в город, валяется труп. Мистер Фокс желает, чтобы его там не было. Приберите его.

Лакей был слишком хорошо вышколен, чтобы позволить себе проявление каких-либо чувств, но все-таки и он казался потрясенным.

— Будет исполнено, милорд, — только и сказал он. — Как ваша светлость желает, чтобы мы поступили с телом?

— Понятия не имею, — ответствовал его светлость. — Чарльз, что вы предлагаете сделать с трупом?

— Будь я проклят! А как следует поступить с телом, лежащим посреди Хонслоу-Хит? — произнес мистер Фокс. — Полагаю, его следует доставить констеблю.

— Вы слышали? — обернулся его светлость к лакею. — Тело следует препроводить в город.

— На улицу Боу-стрит, — вмешался мистер Фокс.

— На Боу-стрит — с пожеланиями всего наилучшего от мистера Фокса.

— Нет уж, черт меня подери, я не стану присваивать себе чужие заслуги. С пожеланиями всего наилучшего от маркиза Видаля, любезный.

Лакей сделал глотательное движение и с явственным усилием выговорил:

— Будет исполнено, сэр.